

С.И. ЕРМОЛЕНКО, О.В. ТРЕТЬЯКОВА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1 (Пушкин А.С.)
ББК Ш5 (2Рос=Рус) 5

«<РОМАН В ПИСЬМАХ>> А.С. ПУШКИНА: «НОВЫЕ УЗОРЫ» «ПО СТАРОЙ КАНВЕ»

Аннотация. Предметом изучения в статье является жанровая специфика незавершенного произведения А.С. Пушкина «<Роман в письмах>», рассматриваемого в контексте западноевропейской эпистолярной традиции. Сопоставляются разные точки зрения, существующие в литературоведении, и делается вывод о пушкинском замысле произведения большой жанровой формы – романа.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «<Роман в письмах>», жанровая специфика, западноевропейская эпистолярная традиция, игровое начало, субъектная и пространственно-временная организации, роман.

«<Роман в письмах>» с давних пор, пожалуй, даже чаще других незавершенных произведений А.С. Пушкина, оказывается объектом внимания исследователей¹. Между тем жанровая природа фрагмента (а точнее, может быть, «жанровый» замысел автора) до сих пор определяется неоднозначно. Так, с точки зрения Н.В. Измайлова, «<Роман в письмах>» (как и «Гости съезжались на дачу», «Рославлев») – «незавершенная повесть»², по мнению же С.М. Петрова и Ю.М. Лотмана,

¹ См., напр.: *Винокур Г.О.* Пушкин – прозаик // Винокур Г.О. Культура языка. Очерк лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925. С. 179; *Петров С.М.* Художественная проза Пушкина // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 529-530; *Сидяков Л.С.* «Евгений Онегин» и незавершенная проза Пушкина 1828–1830-х гг. (Характеры и ситуации) // Проблемы пушкиноведения. Л.: Наука, 1975. С. 28-39; *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1976. С. 210; *Вольперт Л.И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе (К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XIX вв.). Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 7-41; *Куприянова Е.Н.* А.С. Пушкин // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 290-292; *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. Л.: Наука, 1987. С. 67-68, 134, 166; *Фомичев С.А.* Проза Пушкина (начальный этап и перспективы эволюции) // Временник пушкинской комиссии / АН СССР ОЛЯ. Пушкинская комиссия. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 71; *Левкович Я.Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 308; *Томашевский Б.В.* Пушкин: работы разных лет. М.: Книга, 1990. С. 177; *Абрамовских Е.В.* Рецепция незавершенной прозы Пушкина в русской литературе XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 8; *Рогинская О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 99-121 и др.

² *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. С. 210. Здесь и далее курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, наш. – С.Е., О.Т.

это – «роман» из современной писателю жизни³. Н.Н. Петрунина, рассматривая «<Роман в письмах>» в ряду других незавершенных опытов Пушкина, склонна обозначать его жанровую принадлежность следующим образом: «скорее роман, чем повесть». «Темп повествования, его распространение вширь, – по мнению исследователя, – говорят о том, что замышлялось произведение больших масштабов, нежели “Гости съезжались на дачу”...» (последнее незавершенное произведение уверенно называется Петруниной «повестью»)⁴. Порой о пушкинском отрывке говорится «так называемый роман в письмах» (Я.Л. Левкович)⁵.

Известно, что в рукописи фрагмент не имеет заглавия, планы «<Романа в письмах>» отсутствуют, «о замысле в целом позволяет судить лишь осуществленная (... ограничивающаяся завязкой) часть задуманного»⁶. Также известно, что неоконченное произведение, над которым Пушкин работал в 1829 году, было напечатано с большими пропусками лишь в 1857 году в седьмом томе Собраний сочинений поэта под названием «Отрывки из романа в письмах». В дальнейшем оно публиковалось под редакторским заголовком «<Роман в письмах>».

Очевидно, для понимания жанровой специфики «<Романа в письмах>» необходимо рассмотреть его в контексте жанровой эпистолярной традиции. Нередко в пушкинском фрагменте исследователи видят полемику с традицией эпистолярного романного жанра, как она сложилась в западноевропейской литературе⁷. О.О. Рогинская даже называет пушкинский фрагмент «антироманом», «пародией на Ричардсона и Руссо»⁸. В качестве главного аргумента, свидетельствующего о полемической направленности фрагмента, обычно приводится ироническое суждение пушкинской героини о «хваленом» романе С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (об этом далее).

Однако отношение русского писателя к указанной жанровой традиции, вероятно, не было столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. И вряд ли будет справедливым оценивать это отношение лишь с точки зрения отрицания традиции. Западноевропейский

³ Петров С.М. Художественная проза Пушкина. С. 529; Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 125.

⁴ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. С. 67.

⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 308.

⁶ См. об этом: Петрунина Н.Н. Указ. соч. С. 67.

⁷ См., напр.: Логунова Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999; Рогинская О.О. Эпистолярный роман...

⁸ Рогинская О.О. Указ. соч. С. 103.

эпистолярный роман XVIII века сформировался в условиях сентименталистской художественной системы, унаследовав свойственную ей концепцию «чувствительного» человека, интерес к его частной эмоциональной сфере жизни. Романы С. Ричардсона («Памела», 1740; «Кларисса Гарлоу», 1747) воспринимались Пушкиным и его современниками как канонические образцы этого жанра. Имя английского романиста звучит в пушкинском фрагменте трижды. Кроме того, неоднократно упоминается роман «Кларисса Гарлоу» и его главные герои – Кларисса, Ловлас.

В «<Романе в письмах >>» Пушкина – две линии переписки главных героев с наперсниками: вначале мы знакомимся с семью письмами Лизы и ее подруги Саши, затем – двумя письмами Владимира и ответом его друга. Возникновение переписки в произведении художественно мотивировано. Уехав из Петербурга в село Павловское, Лиза, а вслед за ней и Владимир, оставляют своих близких друзей, общение с которыми им необходимо в важный, может быть, даже кульминационный момент их жизни, когда определяется будущее героев. В письмах они осмысливают уже произошедшие события и рассказывают о том, что волнует их сейчас. Послания корреспондентов объединяет тема отношений Лизы и Владимира, обсуждаемая в каждом письме.

«<Роман в письмах>>» открывается корреспонденцией Лизы, в которой сообщается о причинах, побудивших ее уехать из Петербурга в деревню: «Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитывала меня наравне с своею племянницею. Но в ее доме я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения» [59]⁹. Подруга Саша в ответном письме заметит, что Лиза не откровенна с ней, скрывая настоящие мотивы, заставившие ее столь внезапно покинуть Петербург: «Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду. Я подозреваю... но ты со мною скромничаешь, – и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками» [61]. Лиза же уверяет Сашу в своей искренности: «Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь – не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню толь-

⁹ Здесь и далее цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 6 (с указанием страницы в тексте статьи). Курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, наш. – *С.Е., О.Т.*

ко тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай как *Кларисса Гарлов*» [62].

Последняя выделенная нами фраза неожиданно вносит едва уловимую шутивно-ироническую струю в (как будто бы) вполне доверительно-серьезный тон письма Лизы. Ю.М. Лотман, комментируя строки из второй главы «Евгения Онегина» (строфа XII):

Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запишит она (бог мой!):
*Приди в чертог ко мне златой!*¹⁰ –

вспоминает приведенную выше цитату из письма Лизы, сравнивающей себя с «Клариссой Гарлов», «разливающей чай». «Подобная деталь, – отмечает ученый, – вообще составляла общее место сентиментальных романов “на старый лад”... Сочетание подчеркнуто нелитературного имени Дуня, самого образа играющей на гитаре провинциальной барышни с сентиментальной деталью “разливает чай” – создает иронический эффект. Он еще более подчеркнут лирической для Ленского параллелью:

Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал... [3, XXXVII, 5-7]¹¹.

Смысл иронического намека, содержащегося в письме умной и начитанной барышни Лизы («Я читаю очень много», – заметит героиня), таким образом, вполне раскрывается в контексте «Евгения Онегина», и сказанное ученым о романе в стихах Пушкина («понимание намека и ощущение параллелизма ... сцен придает тексту глубину, смысловую емкость») в полной мере относится и к его «<Роману в письмах>». Так, в поведении Лизы возникает некий игровой момент (как результат иронического осмысления идилической «домашней» ситуации в известном традиционном литературном контексте), что, впрочем, не ускользает от внимания другой, не менее умной барышни Саши. Следовательно, и адресат вовлекается в игру, которую ведет Лиза.

На протяжении переписки занимательная для обеих приятельниц интрига, связанная с выяснением истинных причин отъезда Лизы, со-

¹⁰ Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 5. С. 41. Курсив автора. – С.Е., О.Т.

¹¹ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 475-476.

храняется. И лишь в шестом письме героиня наконец открывается своей наперснице, и раньше догадывавшейся о ее чувствах к Владимиру: «... мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я, как несчастья, ** здесь. <...> Расскажу тебе всё...» [67-68].

Важно подчеркнуть, что и Лиза, и Саша получают отклики на свои послания: адресат в ответном письме обязательно комментирует прочитанное, выражая свое к нему отношение. Так, в ответ на первое письмо Лизы, объясняющей своего поспешного отъезда, Саша напишет: «Поздравляю тебя, мой ангел, с новым образом жизни. Радуюсь, что он тебе понравился. Твои жалобы о прежнем твоём положении *меня тронули до слез, но показались мне слишком горькими*» [61]. Лиза, в свою очередь, ответит: «*Письмо твое меня чрезвычайно утешило*. Оно так живо напомнило мне Петербург». В переписке подруг возникает «пространство двоих» (О.О. Рогинская), основанное на единодушии и глубоком взаимопонимании. Саша, зная Лизу, догадываясь о ее душевном состоянии, специально говорит о том, что волнует подругу. Так, она упоминает о некоем человеке – одном из своих гостей, который спрашивал о Лизе («Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в фортепьяно...» – 61-62), не называя при этом его имени. В ответном письме Лиза, прекрасно понимая, о ком идет речь, все же слукавит, высказывая заведомо ошибочное предположение: «... прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не любезному ли нашему говорунику Алексею Р-?» [62]. Саша в очередном послании уже теперь прямо напишет: «... всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный admirateur Владимир**». Довольна ли ты? думаю, очень довольна, и по своему *обыкновенью осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась*» [64].

Характер диалога, в который вступают героини, таков, что Саша «говорит» за Лизу то, в чем последняя не решается (или не хочет) признаться самой себе. Роль адресата, таким образом, оказывается очень значимой у Пушкина, поскольку без него невозможно было бы полное раскрытие внутреннего мира адресанта. Исповедь Лизы в письмах Саше – скорее «псевдоисповедь» с утаиванием истинных мотивов ее поведения, которые как раз и угадываются адресатом. В диалоге каждая из подруг способна читать «между строк».

Лишь с восьмой корреспонденции «<Романа в письмах>», после того, как читателю становятся известны истинные причины отъезда Лизы, раскрытые ею самой, начинается переписка между Владимиром и его другом. По справедливому замечанию Н.Н. Петруниной, «мысль

последних отрывается от фабульных событий [частной, личной жизни – С.Е., О.Т.], и в круг обсуждаемых проблем втягивается целый клубок социальных и исторических тем русской жизни»¹², волнующих самого Пушкина. Среди них – положение крестьянства, историческая и культурная роль дворянства.

С размышлений на эти связанные друг другом серьезные темы начинается первое письмо Владимира: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши... Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непрослительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства... » [71].

Связывая положение крестьян и нынешнее состояние русского дворянства, Владимир обнаруживает незаурядную проницательность и аналитический ум. Выражая тревогу за будущее Отечества, герой «<Романа в письмах>» говорит о своей личной ответственности и ответственности каждого представителя дворянства за судьбу русского народа, что характеризует его не только как человека мыслящего, но и истинного патриота. «Я без прискорбья никогда не мог видеть, – продолжает далее Владимир, – уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит... <...> Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!» [72]. Смысл этих горьких слов Владимира может быть понят в полной мер лишь в контексте пушкинских раздумий о необходимости уважения к прошлому (о «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам»), без которого невозможно «самостоянье человека», ощущение им своей принадлежности к целому – национальной почве, национальным основам жизни.

Столь же близки Пушкину и рассуждения Владимира об «аристократии чиновной» и «аристократии родовой», значимости культурно-исторической роли последней¹³. При этом, как подчеркивал

¹² Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. С. 68.

¹³ Ср., напр.: «Аристокрацию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок... Принадлежать к старой аристократии не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нареkanie в странности или бессмысленном подражании иностранцам» (*Пушкин А.С. Наброски предисловия к «Борису Годунову» // Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 7. С. 166).*

Ю.М. Лотман, речь в письме Владимира идет «не о сословных привилегиях, а о культурном наследии народа»¹⁴.

В том же, несомненно в пушкинском духе воспринимаются и суждения героя «<Романа...>» о деревне: «Не любить деревни простиительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете» [71].

Сказанное выше позволяет согласиться с Н.Н. Петруниной, утверждающей, что Пушкина в его замыслах конца 20-х годов («Гости съезжались на дачу», «<Роман в письмах>») начинает привлекать «интеллектуальный герой», обнаруживающий «свойства ума и сердца» не только «в своей частной жизни». Мысль такого героя оказывается способной «угадать в частных проявлениях “домашней” жизни общества отражение глубинных процессов, характеризующих современное его состояние, и увидеть эти процессы в исторической перспективе»¹⁵.

Понять реакцию адресата, его отношение к проблемам, затронутым в письме Владимира, затрудняет «пропуск» в корреспонденции (часть 9-го письма, по-видимому, утрачена). Однако сохранившаяся часть ответного послания, в которой содержатся такие суждения, как: «*Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя*»; «Состояние помещика, по-моему, самое завидное», – позволяет предположить, что и приятеля Владимира волнует поднятый им вопрос о судьбе и роли дворянства. Однако все-таки не в той степени, как Владимира, о чем свидетельствует шутивно-ироничный тон, на который сбивается адресат (тогда как Владимир, размышляя на эту тему, серьезен и местами даже патетичен): «Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей». Ответное послание друга все-таки – скорее реакция на шутивно-светскую «болтовню», которой завершается письмо Владимира, чем отклик на его «нравственные размышления»: «Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкою и что, вероятно, тебя уже нет на свете, – итак, пользуйся жизнию, покамест еще ты не воскрес». В том же духе выдержан и конец письма друга: «Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине... » [74].

¹⁴ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 138.

¹⁵ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. С. 69.

Впрочем, и послания Владимира не выдержаны от начала и до конца в исключительно серьезном тоне. Ироничное отношение к окружающим, шутливый тон характерны и для корреспонденций Владимира: «Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит), – пишет он в том же письме, в котором содержатся его рассуждения об обязанностях и судьбах дворянства. – Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, “А потому, что патриотки”. Мужчины отменно недовольны моею *fatuite indolente*, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство, хотя и чувствуют, что я нахал» [73]¹⁶.

Здесь мы опять имеем дело с игровым началом, которое обнаруживается теперь в поведении мужского персонажа. Маска «*fatuite indolente*» (томного фатовства), которую надевает на себя Владимир в деревне и которая «бесит» провинциальных «Простаковых и Скотининых», говорит о том, что герой воспроизводит тип поведения «русского денди», характерный для пушкинской эпохи, сочетающий экстравагантность манер с «шокирующей небрежностью и дерзостью обращения»¹⁷. Это, впрочем, прекрасно понимает друг Владимира, замечая в ответном письме: «Охота тебе *корчить г. Фобласа* и вечно возиться с женщинами» [74].

Роль адресата в раскрытии внутреннего мира Владимира, как видим, важна и в этом случае: благодаря ироническими комментариям друга, оттеняющим философские рассуждения главного героя, усложняется образ последнего. Друг как бы представляет другую сторону характера Владимира. Как Лиза и Саша, так и корреспонденты-мужчины прекрасно понимают друг друга. Сообщая о возвращении из Рима в Петербург «прежней приятельницы» Владимира, «влюбленной в папу» («*Как это на нее похоже* и как это должно тебя восхитить!»), друг добавит: «Не приедешь ли для соперничества *cum servo servorum dei?* *Это было б похоже на тебя*» [74]. Здесь друг предлагает Владимиру новую игру в соответствии уже не с провинциальными нравами, но с правилами, принятыми в свете. Впрочем, играет и «приятельница» Владимира, явившись в Петербург под интригующей маской

¹⁶ Курсив автора. – С.Е., О.Т.

¹⁷ Лотман Ю.М. Пушкин. С. 550. Отметим попутно, что и сам Пушкин в быту был склонен «перевоплощаться в героев его “возлюбленных творцов”, особенно когда эти литературные образцы стимулировали его собственное творчество» (см.: там же. С. 328). Об игровом характере повседневного этикета русского дворянства пушкинской поры см.: Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 8.

«влюбленной в папу» (очевидно, очередной *новой* маской – ведь это так «на нее похоже»).

Так подтверждается вывод Л.В. Вольперт о «даре игры», которым обладают герои «<Романа в письмах>»: «"Умение играть" входит как естественное свойство» персонажей пушкинского незавершенного произведения, «игра придает им живость и обаяние», становясь «залогом» их «неповторимой индивидуальности»¹⁸.

Игровое начало обнаруживается не только в системе образов («игровое поведение» героев), но и на уровне сюжета. «Ложная причина» бегства Лизы из Петербурга, выдвигаемая ею в письме, «создает в романе "обманный" план, в который вовлекается и читатель». Внезапное же признание Лизы, «определяющее переход от "обманного" плана к "истинному"» («эффектный сюжетный поворот, определяющий занимательность романа»), способствует прозрению не столько адресата (о догадливости Саши мы уже говорили), сколько читателя, «искусно введенного в заблуждение». Речь, следовательно, идет уже об игре, которую ведет с читателем автор. Таким образом, весь «<Роман в письмах>», по удачному выражению Л.В. Вольперт, «окутан» «легкой дымкой игрового начала», которая и придает ему особое обаяние: «Без нее пушкинский роман превратился бы в суховатую переписку, насыщенную публицистическими идеями»¹⁹.

В контексте сказанного об игровом плане «<Романа в письмах>» не кажется убедительным предположение Н.Н. Петруниной, акцентирующей социальный аспект в пушкинском фрагменте («характеры и судьбы главных героев социально обусловлены»), о том, что вся логика повествования свидетельствует «о возможности (а быть может, и о приближении) трагического исхода» – «победе социального закона над живым человеческим чувством»²⁰.

Написанная Пушкиным часть произведения свидетельствует о том, что характер конфликта, очевидно, должен был усложняться. Это связано, во-первых, с появлением «непишущей» героини – семнадцатилетней Машеньки, близкой родственницы Владимира, от которого она «в восхищении». Ее «меланхоличность», «воспитанность на романах» позволяют сделать осторожное предположение о возможности возникновения любовного треугольника. Кажется, эту возможность предчувствует и Лиза: «Она [Маша – С.Е., О.Т.] в восторге от **. <...>

¹⁸ Вольперт Л.В. Пушкин и Стендаль (К проблеме типологической общности) // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 206.

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. С. 67.

Право, она влюблена в него – дай бог, что и он влюбится». Однако «остолбенелость» Лизы при неожиданном появлении Владимира в деревне, ее «замешательство» и одновременно чувство «удовольствия», которое она испытывает, видя его, наконец, ее собственное признание: «Я была хуже чем нездорова», – заставляют усомниться в искренности слов героини. Здесь Лиза опять лукавит. Последняя фраза, сказанная Лизой о Маше: «Она стройна и странна – мужчинам только того и надобно» [69], – явно иронична. Причем ирония направлена не только в адрес «мужчин», которым, оказывается, не так уж много «и надобно», но и в адрес неопытной восторженной девушки, которая как истинная деревенская жительница, «выросшая под яблонями и между скирдами», «говорит о погоде нараспев и с чувством *потчует варением*», как ранее заметит Лиза (опять возникает контекст традиционно-сентиментальной и иронически осмысленной Пушкиным «чайной» сцены). Но, несмотря на иронию, героине на сей раз не удастся скрыть свое смятение и беспокойство.

Очевидно, что Маша – вовсе не заурядная барышня. «... В ней много хорошего, много оригинального»; «Маша хорошо знает русскую литературу...» – скажет Лиза, «короче» познакомившись с девушкой (еще до приезда Владимира) и полюбив ее. И это, надо полагать, более точная и объективная оценка, которую дает Маше Лиза. Именно говоря о Машеньке, Лиза полусерьезно заметит: «Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень» [67] (впрочем, и сама главная героиня «<Романа в письмах>» может быть отнесена к категории пушкинских «уездных барышень»). А значит и любовный конфликт, если только он входил в планы автора, получил бы не тривиальное разрешение.

Итак, кажется, нет основания говорить о приближающейся «драме», тем более «трагической» развязке возможных событий в «<Романе в письмах>»: «легкая дымка игрового начала», явственно ощущаемая в пушкинском фрагменте, противится такому прочтению.

Во-вторых, усложнение конфликта обусловлено, прежде всего, введением мужских персонажей. Поднятая Владимиром серьезная и важная тема «упадка нашего дворянства» («уничтожения наших исторических родов»), близкая самому Пушкину, затронутая в контексте судеб отечества, расширяет, как уже было сказано, художественные рамки «<Романа в письмах>», выводя его за пределы частной дружеской переписки.

Все это дает основания предполагать, что Пушкиным действительно вынашивался замысел большой – *романной* – формы, способной вместить значительное по глубине и широте изображения содержание.

В пользу этого предположения говорит, во-первых, постепенно усложняющаяся (в связи с возникновением мужской линии переписки, не пересекающейся с женской) субъектная организация, которая в эпистолярном произведении несет на себе основную «тяжесть» жанровой конструкции. «Перед нами опыт многоголосого повествования с творческой установкой на передачу “чужой” речи – стиля писем четырех разных по характеру и манере рассказа лиц»²¹. Знаменательна фраза Лизы ее ответном письме подруге: «Мне казалось, я *тебя слышу!*» [62]. Уместно в этой связи вспомнить суждение Е.А. Баратынского о «Новой Элоизе» Руссо как произведении «удивительно холодном», в котором «нет... ни малейшего драматического таланта»: «... этот роман – в письмах, а в *слоге письма* должен быть слышен *голос пишущего*: это в своем роде *то же, что разговор...*»²². Пушкин ведет повествование таким образом, что читатель действительно «слышит» голоса пишущих героев. В процессе переписки не только раскрываются позиции и точки зрения на обсуждаемые события корреспондентов, но и внутренний мир каждого из них, причем представленный в динамике (особенно внутренний мир Лизы).

Кроме того, «многоголосость» усложняется включением в письма главных действующих героев «чужого» маркированного слова. Так, речь Владимира передана сначала в косвенной форме в письме Саши: «Он [Владимир – С.Е., О.Т.] сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как *порванная струна в фортепьяно...*» [61-62]; а затем – в прямой форме уже в корреспонденции Лизы: «*“Я приехал по одному делу, от которого зависит счастье моей жизни”*, – отвечал он вполголоса и тотчас отошел...» [69]. Сам Владимир, описывая довольно иронично, но беззлобно мелкопоместное дворянское общество («Ты видишь, что я стал очень добр»), «украшает» свою речь грибоедовской фразой: «Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, *“А потому что патриотки”*» [73]. В письмо Владимира к другу также входит «слово» бабушки Лизы – не пишущей, но «говорящей» героини: «В ней [Лизе – С.Е., О.Т.] много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высшего петербургского общества, а между тем – что-то живое, снисходительное, *доброродное* (как *говорит ее бабушка*), ничего резкого, жестокого в ее суждениях...» [75]. Адресат в ответном письме Владимиру явно передает об-

²¹ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. С. 68.

²² Цит. по: Русские писатели о литературе (XVIII–XX вв.). Отрывки из писем, дневников, статей, записных книжек, художественных произведений. Л. : Сов. писатель, 1939. С. 188.

щее мнение «друзей», которые «кланяются и очень жалеют» о его «преждевременной... кончине» [74]. Такое романное по своей природе многоголосие (или, по Бахтину, разноречие), за которым стоят разные типы сознаний, – особенность именно данной субъектной организации – определяет «г о р и з о н т видения мира в произведении», его «интеллектуальный и эмоциональный кругозор», а также «все его пространственные и временные масштабы»²³.

Постепенное введение в повествование как персонажей, с которыми главные герои соприкасаются в своей «реальной» жизни (Авдотья Андреевна, у которой воспитывалась на правах «дальней родственницы» Лиза, княжна Ольга, племянница воспитательницы главной героини, «Ольгин отец» – друг покойного отца Лизы, бабушка Лизы, «семейство***» – родственники Владимира, «леди Пелам, приезжая англичанка», «приятельница» Владимира, приехавшая из Рима), так и обозначаемых условно, лишь упоминаемых («Алексей Р-», «К**», «К.В.», «Z», «С.», «несносный дипломат Ст-», «Елена Н.», «граф Л.», «гр. К.», «Р*», «С**», «генерал Г**», «Елена***» и т.д.), способствует расширению пространственно-временных рамок рождающегося под пером Пушкина произведения.

В корреспонденциях героев предстают Петербург и провинция в своих характерных очертаниях. Картины столичной жизни возникают в ответных посланиях Саши и друга Владимира, а деревенские – преимущественно в письмах главных героев, Лизы и Владимира. Петербургский свет живет своей однообразной и пестрой, суетной жизнью, в которой ничего не меняется («И завтра то же, что вчера»): «Балы начнутся через две недели» [61]; «Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. Танцевали до пяти часов» [64]; «К.В. была одета очень просто... а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только! Z по своему обыкновению была одета уморительно. <...> На платье ее были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангел, прислала их из деревни?» [64-65]; «Бал очень удался. Мужчины были недовольны ужином, но ведь они вечно должны быть чем-нибудь да недовольны»; «... кажется, роман Елены Н. и графа Л. кончается – по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена» [65]. Смешливая, наблюдательная и острая на язычок Саша, сетующая о том, что ей не с кем будет делиться «нынешней зимой» (в отсутствии Лизы) «эпиграммами своего сердца», подмечает

²³ Лейдерман Н.Л. Теория жанра / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 120. Разрядка автора. – С.Е., О.Т.

все мелочи, из которых складывается представление об образе жизни столичного света. Образы представителей высшего петербургского света схематичны, напоминают скорее маски, чем живых людей. Они, как уже было отмечено, даже не называются своими полными именами. С одной стороны, эта «зашифрованность», скрытая от посторонних «домашняя семантика» слова, – обычная особенность переписки, которая ведется между близкими людьми; с другой стороны, она есть некий знак, характеризующий сущность обозначаемого им лица-маски, о котором и сказать-то нечего.

Иной предстает со страниц романа деревенская Россия: «Я тотчас привыкла к деревенской жизни... – пишет Лиза. – Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, все это осенью и зимою немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем. <...> Уединение мне нравится...» [60]. Именно в деревне Лиза впервые обретает *дом*, которого она была лишена в своей прежней петербургской жизни (в доме Авдотьи Андреевны она была не *своим*, не родным человеком, а лишь воспитанницей: «... а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием» – 59). «Теперь я живу *дома*, я хозяйка, – радостно признается она Саше, – и ты не поверишь, какое это мне истинное наслаждение» [60]²⁴.

В отличие от Петербурга, где время измеряется началами и окончаниями бальных сезонов, деревенская жизнь подчинена природным законам, извечному круговороту, символизирующему укорененность и стабильность бытия. «У нас зима... Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, – все делается светлее, веселее от первого снега. <...> Зима в деревне пугала меня. Но всё на свете имеет свою хорошую сторону» [66].

Если в петербургских письмах Саши, как правило, называется точное время («*На другой день* получаю твое письмо»; «Балы начнутся *недели через две*»; «*На днях* обедали у нас гости...» – 61; «*Третьего дня* был бал у К**» – 64), то в корреспонденциях Лизы временные рамки, на которые указывает героиня, иные – более широкие («*У нас зима...* »). Не случайно именно в деревне Лиза получает, наконец, возможность прочесть «Клариссу Гарлоу» – «роман классический,

²⁴ Курсив автора. – С.Е., О.Т. «Дом, родное гнездо» – понятие исключительно важное в философско-художественной концепции Пушкина: Дом – «святилище человеческого достоинства», основа и залог «самостояния человека»; «человек, имеющий свой Дом, “крепко родной земле”, истории и народу» (*Лотман Ю.М.* Пушкин. С. 138, 139).

старинный, отменно длинный, длинный, длинный» (сообщая подруге о своем намерении перечитать все «старинные романы», которыми заполнен «целый шкаф» в доме соседней по имени, Лиза «начала» именно «Ричардсоном»).

Ощущение медленного течения деревенского времени, его обусловленности природной цикличностью создается и благодаря описанию Владимиром своего обычного дня: «... я совершенно предался патриархальной жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, еду на порожу с здешними помещиками, играю с старухами в бостон... » [75].

Вместо узкого пространства гостиных и бальных зал Петербурга, закованной в гранит Английской набережной возникает природный ландшафт, основными характеристиками которого становятся беспредельность и широта: «старинный дом на горе» в Павловском, «сад, озеро, рощи сосновые», «отъезжие поля», куда «поспешает» на охоту вместе с соседями-помещиками Владимир («И будит лай собак уснувшие дубравы»...).

В деревне, после холодного Петербурга, населенного людьми-масками, Лиза смогла оценить теплоту простых человеческих отношений: «Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказанно. *Я сердечно ее полюбила*» [60]. С симпатией описывает Лиза подруге провинциальных родственников Владимира, поместье которых находится неподалеку от имения ее бабушки: «Я познакомилась с семейством ***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках... » [62-63]. Каждому из трех персонажей «семейства» дана краткая, но довольно точная характеристика, что свидетельствует о наблюдательности Лизы: отец, названный «балагуром и хлебосолом», – по-видимому, человек легкого, веселого нрава, доброжелательный и гостеприимный; ему подстать жена («веселая баба»), приохотившаяся к типично деревенскому развлечению – игре в «вист»; дочка Машенька, о которой уже шла речь, своей мечтательностью и задумчивостью напоминая другую пушкинскую героиню – Татьяну Ларину.

Как видим, художественный мир «<Романа в письмах>», включающий в себя миры провинциальный и столичный, организуется пороманному сложно: в каждом из этих миров свое время и пространство, своя система образов. Главным же принципом построения художественного мира «<Романа в письмах>» становится диалогизм. Принцип диалогизма в пушкинском отрывке, в нашем понимании, –

это не только диалог между героями, реализующийся в процессе переписки. Само акцентированное во фрагменте обращение к жанровой традиции можно рассматривать как диалог автора с ней.

Лиза насмешливо говорит о романе Ричардсона «Кларисса Гарлоу»: «Я благословясь начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаграждают терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, – наконец добралась до шестого, – скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа, и конец. Каждый том заключал в себе две части, и я не заметила перехода от шести скучных к шести занимательным» [63]²⁵. Но вместе с тем, иронизируя над «хваленой Клариссой», Лиза невольно экстраполирует схему развития отношений героев сентиментального «нравоучительного и чинного» романа на свои отношения с Владимиром. Начитавшись «старинных романов», Лиза видит (или пытается себя уверить в этом) в лице Владимира коварного соблазнителя, вроде Ловласа, который, используя испытанные приемы, только и думает о том, чтобы заманить ее в свои сети и, тем самым, погубить: «... говорил мне о своих чувствах и то ревновал, то жаловался... С ужасом думала я: к чему всё это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душою. Я уехала из Петербурга – думала тем прекратить зло в его начале» [68]. Появление Владимира в деревне как будто подтверждает (так кажется Лизе) ее подозрения: «Он будет ездить к нам – опять пойдут признания, жалобы, клятвы – и к чему? Он добьется моей любви, моего признания, – потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня, – а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону» [69]²⁶.

И снова выходит на первый план игровое начало «<Романа...>». Саша, не воспринимающая всерьез «ужасные» предположения Лизы, в ответ на ее «отчаянные» призывы о помощи со свойственной ей ироничностью напишет: «Извини меня, мой ангел, но твое патетическое письмо *рассмешило* меня. ** приехал в деревню для того, чтобы тебя увидеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты требуешь моего совета. *Уж не сделалась ли ты уездной героиней!* <...> Конечно, в старину любовник для благосклонного взгляда уезжал на три года сражаться в Палестину;

²⁵ Ср.: «... Читаю Клариссу, мочи нет какая скучная дура!» (Пушкин А.С. Л.С. Пушкину. Начало 20-х чисел ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 10. С. 110).

²⁶ Курсив автора. – С.Е., О.Т.

но в наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидеться со владычицею своего сердца – право много значит. ** достоин награды» [70].

Итак, согласимся с О.О. Рогинской: поспешный отъезд Лизы из Петербурга – не что иное, как «попытка убежать от участия в традиционном сюжете с заранее известным финалом»²⁷. Лиза, подобно героине сентиментального романа, ожидает, что неизбежной преградой в ее отношениях с Владимиром станет социальное неравенство, в чем она «откровенно признается» Саше: «... Владимир** мне нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. *Он аристократ – а я смиренная демократка.* <...>... он для меня *не пожертвует богатой невестою и выгодным родством*» [65-66]. В ответ на эти доводы Саша, более трезво, не по-книжному воспринимающая жизнь, возразит: «Где тут неодолимые препятствия? Он богат, а ты бедна — пустое. Он богат за двух – чего ж вам более. Он аристократ; а ты именем, воспитанием разве не аристократка?» [70]. В пользу несостоятельности опасений Лизы говорит и суждение самого Владимира: «Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой». Герой, как видим, придает большое значение родословной, будучи убежденным в том, что «семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа» [72]. Но оказывается, что Лиза принадлежит к старинному дворянскому роду: «Спешу объяснить и заметить гордо, *как истинная героиня романа*, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству... » [65]. Следовательно, нет никаких препятствий к счастью Лизы и Владимира. Героиня сама их выдумала, начитавшись романов, над которыми сама же иронизирует.

Л.И. Вольперт, отмечая «ироническое начало, игру с читателем» как особенность, присущую «Новой Элоизе» Ж.Ж. Руссо и «Опасным связям» Ш. де Лакло, полагает, что эта традиция не была поддержана европейской литературой в эпистолярном жанре. «В русской же литературе эту традицию продолжил Пушкин»²⁸. Вместе с тем отношение автора «<Романа в письмах>» к данной традиции глубоко оригинально: если в романе «Новая Элоиза» игра коснулась внешнего сюжета – самой мотивировки издания переписки (оппозиция «подлинное – вымышленное»), то в «Опасных связях» игровой элемент распространился на внутренний сюжет романа. Виконт де Вальмон и маркиза де Мертей заняли «метапозицию» (О.О. Рогинская) по отношению к другим героям, проверяя на них схемы отношений, описанные в литерату-

²⁷ Рогинская О.О. Эпистолярный роман... С. 113.

²⁸ Вольперт Л.И. Пушкин и психологическая традиция... С. 30.

ре (соблазняя госпожу де Трувель, развращая юную Сесилию Воланж). Пушкин также рефлектирует над жанровой традицией в *самом* «<Романе...>». Однако автор использует здесь такой прием, в соответствии с которым развитие сюжета, традиционного для эпистолярного романа, «видят со стороны» не «другие» герои, наблюдая за кем-то (подобно тому, как маркиза и виконт наблюдают за своими «жертвами»). Привычку проецировать поведение литературных персонажей на себя главные герои замечают у самих же себя.

Таким образом, отношение к жанровой традиции в пушкинском фрагменте имеет сложный характер: с одной стороны, «старинные романы» в ричардсоновском духе безнадежно «устарели» («... как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» – 66-67), а с другой – стереотипы поведения, сформированные ими, оказываются по-прежнему живучими. Сама Лиза то сравнивает себя «Клариссой Гарлов», то называет себя «истинной героиней романа». Саша, как уже отмечалось, подсмеивается над попыткой подруги сыграть роль сентиментальной «уездной героини». Друг говорит о «недостойной» Владимира «охоте» «корчить г. Фобласа». И оба упрекают друг друга в несовременности. «... *Ты отстал от своего века* и сбиваешься на *сi-devant* гвардии хрипуна 1807 г.», – пишет адресат Владимиру [74]. Последний же, в свою очередь, парирует: «Не я, но *ты отстал от своего века* – и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году»; «... *теперь это все переменилось*. <...> *Я следую духу времени; но ты неподвижен*... ты... стереотип» [75]. Так, в пушкинском отрывке ставится важная проблема соответствия личности «духу времени».

В «<Романе в письмах>» есть приметы пушкинской эпохи. Так, Лиза пренебрежительно отзывается о «критиках» в «Вестнике Европы», «плоскость и лакейство» которых ей «показались... отвратительны» [67]²⁹. В письмах героини упоминается имя Вяземского и даже самого автора – создателя произведения («Теперь я понимаю, за что *Вяземский* и *Пушкин* так любят уездных барышень»).

Как видим, в «<Романе в письмах>» соотносятся «старина» – время расцвета традиции европейского эпистолярного романа (не слу-

²⁹ Имеются в виду разгромные статьи Н. Надеждина в «Вестнике Европы» за 1829 год, посвященные поэмам А.С. Пушкина «Полтава» и «Граф Нулин».

чайно в романе упоминается именно Ричардсон как родоначальник этой традиции) – и «наше время»: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек» [63].

Вместе с тем в пушкинском фрагменте существенным оказывается не только различие времен, но и их связь, преемственность: «... между тем роль женщин не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, *всё же походит на героиню новейших романов*. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, *которые вечны*» [63]. Так, в «старинных романах» обнаруживается не утративший своего значения вневременной план: речь идет не только об изменении человека в меняющемся мире, но и о неизменности его метафизической природы, в данном случае – женской, сущность и назначение жизни которой – любовь.

Исследователи неоднократно цитировали слова Лизы, адресованные некоему «Р*»: «Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он *по старой канве вышьет новые узоры* и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает» [67]. В этой фразе героини «<Романа...>» выражена мысль самого Пушкина о еще не использованных возможностях, которые таятся в «старой» жанровой форме, способной вместить в себя новое содержание, возможностях, открывающихся в процессе диалога с традицией на путях ее реалистического освоения.